

796 УДАРОВ В МИНУТУ

СВОБОДА

ПРАВДА

ПАМЯТЬ

ЭХО

КНИГА ТРЕТЬЯ

ДМИТРИЙ ЧЕРНОВ

796 ударов в минуту

Чернов Дмитрий

796 ударов в минуту. Эхо

«Автор»

2026

Дмитрий Ч.

796 ударов в минуту. Эхо / Ч. Дмитрий — «Автор», 2026 — (796 ударов в минуту)

Пятнадцать лет после революции. Оливер ненавидит собственный памятник. Новая власть коммерциализировала воображение, выдаёт лицензии, строит комитеты — и всё это в точности повторяет то, против чего они когда-то боролись. Тим — первый ученик, мальчик, который год молчал и сказал «красиво» — теперь лидер нового поколения. Его манифест выходит на Главный Экран одновременно на всех площадях города. Учитель и ученик оказываются по разные стороны баррикад. А под Шахтерском «Корень» просыпается снова. Потому что его никто не спросил, чего он хочет. Финал основной трилогии: о том, как перестать быть символом и снова стать человеком.

Чернов Дмитрий

796 ударов в минуту. Эхо

796 УДАРОВ В МИНУТУ

Книга третья

ЭХО

ГЛАВА 1. ГОДОВЩИНА

Оливер проснулся за час до рассвета — как всегда. Не потому, что нужно было рано вставать. Не потому, что его будили кошмары, хотя они приходили всё чаще. Просто тело больше не умело спать дольше пяти часов. Привычка, выжженная десятилетиями войны, подполья, выживания.

Комната была маленькой — намного меньше, чем предлагал Совет после победы. «Герою революции полагается апартаменты в Акрополе», — говорила Москва пятнадцать лет назад. Оливер отказался. Взял эту комнатку на окраине Шахтерска, в том же доме, где когда-то жил с отцом. Не в той же квартире — там теперь жила молодая семья с тремя детьми. Но в том же доме. Та же лестница со сколотой перилой на третьем этаже. Тот же скрип на седьмой ступени.

Он лежал на спине, глядя в потолок, где трещина разрослась за годы — тонкая паутина, похожая на реку с притоками. Оливер знал эту трещину наизусть. Иногда ему казалось, что она живая, что растёт понемногу каждую ночь, пока он спит. Метафора старения. Метафора распада.

За окном Город ещё спал. Шахтерск изменился до неузнаваемости за пятнадцать лет. Граффити на стенах теперь были не бунтарскими, а декоративными — официально одобренными Комитетом по культуре. Проекции, когда-то запрещённые, теперь мелькали на каждом углу: реклама, объявления, развлечения. Правление запрещало Воображение. Новая власть коммерциализировала его. Оливер не знал, что хуже.

Он поднялся, босиком прошёл к окну. Площадь внизу готовилась к празднику. Рабочие устанавливали трибуны, натягивали флаги — красные с золотым символом открытой ладони. Пятнадцать лет назад на этой площади стоял Постамент. Теодор произносил речи. Корректоры избивали инакомыслящих.

Теперь тут стоял памятник.

Памятник Оливеру Кейну.

Он ненавидел эту статую. Ненавидел бронзового себя — молодого, уверенного, смотрящего в будущее с поднятым «Ундервудом» в руках. Ненавидел, что его превратили в символ. В икону. В мёртвый образ, удобный для пропаганды.

— Ты опять не спишь, — раздался голос от двери.

Оливер не обернулся. Узнал по интонации.

— Лис. Ты рано.

— Я всегда рано, когда ты не спишь, — ответил Лис, входя. Он держал две кружки с дымящимся чаем. Та же привычка, что пятнадцать лет назад. Тот же жест заботы, которую Лис всегда отрицал.

Оливер принял кружку, отхлебнул. Слишком горячий. Слишком горький. Как и всегда.

— Сегодня годовщина, — сказал Лис, вставая рядом у окна.

— Знаю.

— Тебе нужно выступить через пять часов.

— Знаю.

— Речь готова?

— Нет.

Лис вздохнул — тяжело, как человек, уставший повторять одно и то же.

— Оливер. Ты не можешь выйти перед тысячей людей без речи.

— Могу. Я герой. Мне простят.

— Москва не простит.

— Москва давно перестала прощать что-либо.

Они помолчали. За окном рабочие закончили с флагами, начали устанавливать динамики. Город просыпался — медленно, неохотно, как старик с больными суставами.

— Ты видел манифест? — спросил Лис тихо.

Оливер напрягся.

— Какой манифест?

— Тот, что появился вчера вечером. Проекция. По всему Городу одновременно. Кто-то взломал старую сеть Постамента.

— Кто?

— Не знаю. — Лис достал из кармана маленький «Скетчер», активировал. Над его ладонью возникла проекция — запись.

Оливер увидел лицо. Молодое. Мужское. С серыми глазами, которые он узнал бы где угодно.

Тим.

Его ученик. Его первый ученик. Мальчик, который не говорил год. Юноша, который научился создавать океаны из света. Мужчина, которого Оливер не видел три года.

— Граждане Метрополиса, — говорил Тим в записи. Голос спокойный, уверенный, без тени сомнения. — Сегодня мы празднуем пятнадцатую годовщину падения Правления. Мы говорим о свободе. О победе. О новом мире.

Он помолчал. В паузе было что-то тяжёлое.

— Но какой мир мы построили? Мы заменили Постамент Советом. Цензоров — Комитетами. Корректоров — Службой Порядка. Мы сменили лица. Но не систему.

Проекция исказилась, превратилась в образы: Москва, подписывающая указ. Служба Порядка, разгоняющая мирный митинг студентов два месяца назад. Здание Школы Воображения с табличкой «Государственная лицензия обязательна».

— Они говорят, что защищают нас. Что ограничения нужны для нашей безопасности. Что мы ещё не готовы к полной свободе.

Его лицо приблизилось, глаза смотрели прямо в камеру.

— Это ложь. Та же ложь, что говорило Правление. Вы освободили нас от одной тюрьмы. Но заперли в своих страхах.

Проекция погасла.

Оливер стоял, сжимая кружку так сильно, что костяшки побелели.

— Когда это появилось?

— Вчера в 20:47. Одновременно на всех площадях, всех перекрёстках, всех экранах.

Продлилось три минуты. Москва приказала стереть, но...

— Но слишком поздно.

— Да. Слишком много людей видели. Слишком много записали.

Оливер отошёл от окна, сел на кровать. Чай пролился на пол — он не заметил.

— Он прав, — сказал он тихо.

— Что? — Лис повернулся резко.

— Тим. Он прав. Мы построили новую тюрьму.

— Оливер, не начинай...

— Когда мы начали требовать лицензии на Воображение? Когда решили, что государство должно контролировать, кто может создавать проекции, а кто нет?

— После инцидента. После того, как тот мальчишка создал проекцию огня и сжёг полквартала. Семь человек погибло. Ты забыл?

— Не забыл. Но мы наказали всех за ошибку одного. Мы испугались. И сделали то, что делало Правление, когда боялось.

— Это не то же самое. Правление запрещало Воображение полностью. Мы просто...

— Регулируем? Контролируем? Защищаем? — Оливер усмехнулся горько. — Теодор говорил то же самое. Другими словами. Но суть та же.

Лис сел рядом. Долго молчал.

— Что ты хочешь сделать?

— Не знаю. Но я не могу выйти сегодня на трибуну и врать, что всё хорошо.

— Москва ждёт речи. Город ждёт речи. Если ты откажешься...

— Я не откажусь. Я выступлю. Но не с той речью, что они хотят услышать.

Лис посмотрел на него долго, изучающе.

— Ты изменился. За эти годы. Стал опаснее.

— Или честнее.

— В нашем мире это одно и то же.

Оливер спустился на кухню в семь утра. Общая кухня на двенадцать квартир — пережиток старых времён, который никто не убирал. За столом уже сидела старуха Вера — соседка с пятого этажа. Ей было за восемьдесят, она помнила времена до Правления.

— Здравствуй, мальчик, — сказала она, не поднимая глаз от чая.

— Здравствуйте, Вера Петровна.

— Сегодня праздник. Ты готов?

— Нет.

Она усмехнулась — беззубая, сухая улыбка.

— Честный ответ. Редкость в наше время.

Оливер налил себе чай из старого чайника, сел напротив.

— Вы пойдёте на площадь?

— Зачем? Слушать, как вы хвалитесь победой? Я пережила три режима. Все хвалились.

— Мы не режим.

— Пока нет. Но идёте к тому. Медленно. Осторожно. Но идёте.

Она отхлебнула чай, посмотрела на него внимательно.

— Тот мальчик, Тим. Он твой ученик?

Оливер напрягся.

— Был.

— Видела его проекцию вчера. Умный. Злой. Правильный.

— Он опасен.

— Ты тоже был опасным. Пятнадцать лет назад. Когда пришёл сюда, в этот дом, с отцом. Худой. Испуганный. Но в глазах — огонь. Я сразу поняла: этот сожжёт мир или спасёт.

— Я не сжёг.

— Спас. А теперь боишься, что он сожжёт то, что ты спас.

Оливер молчал.

— Дети всегда сжигают мир родителей. Это нормально. Так должно быть. Иначе мир застынет.

— Но мы только начали строить. Пятнадцать лет — это ничто. Нам нужно время, стабильность...

— Время? — Вера рассмеялась. — Молодым всегда нужно время. А старым всегда кажется, что его мало.

Она встала, прихрамывая подошла к окну.

— Знаешь, что я помню о временах до Правления? Хаос. Свободу. Страх. Радость. Всё вместе. Жили на краю. Но жили.

— А потом пришло Правление.

— Да. Обещало порядок. Безопасность. И дало. А потом забрало всё остальное.

Она повернулась к нему.

— Ты обещал свободу. Дал. Но теперь начинаешь забирать. Потихоньку. Лицензии. Комитеты. Правила. Скоро начнёте цензурировать. Потом запрещать. А через двадцать лет кто-то свергнет вас. И цикл повторится.

Оливер встал резко.

— Мы не такие!

— Все так говорят. Все. Каждый режим. Каждое правительство. «Мы другие. Мы лучше. Мы не повторим ошибок». А потом повторяют. Потому что власть меняет людей. Не наоборот.

Она подошла ближе, положила сухую ладонь на его плечо.

— Ты хороший мальчик, Оливер. Честный. Добрый. Но доброта не спасает от ошибок. Иногда делает их хуже. Потому что совершаешь их с верой, что делаешь правильно.

Она вышла, оставив его одного на кухне.

Оливер стоял, глядя в окно на площадь, где готовился праздник его победы.

Он начал писать речь. Не ту, которую от него ждали. Ту, которую должен был сказать.

Сердце билось. 796 ударов в минуту.

ГЛАВА 2. РАСКОЛ

Дождь превратился в ливень. Вода лилась потоками, смывая флаги, размывая краску на транспарантах, заливая трибуну. Но никто не расходился. Площадь стояла, разделённая невидимой чертой.

С одной стороны — те, кто кричал «Свобода!». Молодые, студенты, рабочие, те, кто носил чёрные повязки с открытым глазом. Движение Тима росло на глазах — люди переходили, присоединялись, снимали с себя государственные значки и бросали в лужи.

С другой — те, кто помнил хаос после революции. Старики, чиновники, те, кто строил новый мир руками и боялся потерять. Они смотрели на Оливера с ужасом и предательством в глазах.

Москва стояла на трибуне, мокрая, бледная. Микрофон выскользнул из её рук, упал с грохотом. Охрана окружила её кольцом, но никто не знал, защищают они её или держат в плену.

Оливер и Тим стояли рядом, всё ещё держась за руки. Учитель и ученик. Прошрое и будущее. Символ примирения или объявление войны — зависело от того, с какой стороны площади смотреть.

— Что теперь? — спросил Тим тихо, чтобы слышал только Оливер.

— Не знаю, — честно ответил Оливер. — Я никогда не планировал дальше этого момента.

— Честно. — Тим усмехнулся. — Как всегда.

Лис протиснулся сквозь толпу, поднялся на трибуну. Промокший до нитки, но невозмутимый.

— Вам нужно уходить. Оба. Сейчас. Пока не началось.

— Что именно? — спросил Тим.

— То, что начинается всегда, когда рушится порядок. — Лис посмотрел на площадь, где толпы сходились всё ближе. — Насилие.

— Я не уйду, — сказал Оливер. — Это моя ответственность.

— И моя, — добавил Тим.

— Тогда хотя бы говорите. — Лис кивнул на микрофон. — Пока они ещё слушают. Потом будет поздно.

Оливер поднял микрофон. Обратная связь взвыла, заставив толпу замолчать.

— Я не хотел этого, — сказал он просто. — Не хотел раскола. Не хотел войны. Хотел только правды.

— Правда и есть война! — крикнул кто-то из толпы сторонников Москвы.

— Может быть, — согласился Оливер. — Но ложь — это медленная смерть. Я выбираю жизнь. Даже если она болезненна.

Тим взял микрофон.

— Мы не враги, — сказал он, обращаясь к обеим сторонам площади. — Мы одна семья. Расколота. Но семья. И если мы начнём убивать друг друга сейчас — мы станем хуже Правления.

— Красивые слова, — раздался голос Москвы. Она подошла к краю трибуны, промокшая, но не сломленная. — Но что вы предлагаете? Анархию? Хаос?

— Переговоры, — ответил Оливер. — Диалог. Не приказы сверху. Не манифесты снизу. Разговор. Как равные.

— Мы пытались, — сказала Москва устало. — Пятнадцать лет пытались. Совет, выборы, референдумы. И что? Вы всё равно недовольны.

— Потому что вы слушали, но не слышали, — ответил Тим. — Принимали решения за нас, не с нами.

Москва смотрела на них долго. Потом медленно кивнула.

— Хорошо. Переговоры. Завтра. В Акрополе. Представители всех сторон. Но если вы призовёте к насилию, если начнутся погромы, поджоги, смерти — я использую всю силу государства, чтобы остановить это.

— А если вы прикажете стрелять в безоружных, — ответил Тим, — мы ответим. Это наше право.

Площадь застыла. Две силы, два мира, два будущего стояли на грани.

Дождь закончился так же внезапно, как начался. Тучи разошлись. И над Городом, впервые за пятнадцать лет, появилась радуга.

Кто-то увидел в этом знак надежды.

Кто-то — насмешку небес.

А Оливер стоял на трибуне, смотрел на расходящуюся толпу и думал: что он сделал? Спас Город второй раз? Или погубил?

Сердце билось. 796 ударов в минуту.

Новая песня начиналась.

И никто не знал, будет ли она гимном или реквиемом.

ГЛАВА 3. ПАМЯТЬ

POV: Тим

Тим не вернулся домой после площади. Дома не было — была конспиративная квартира на окраине Промышленного квартала, где собирались члены движения. Трёхкомнатная, тесная, пахнущая сыростью и старыми проекциями.

Когда он вошёл, там уже было человек тридцать. Молодые, возбуждённые, говорили все разом. Кто-то праздновал победу. Кто-то требовал продолжать давление. Кто-то предлагал начать захваты зданий прямо сейчас, пока власть растеряна.

— Тихо! — Тим поднял руку, и комната замолчала мгновенно.

Он прошёл к окну, снял мокрую куртку, повесил на спинку стула.

— Что мы будем делать завтра? — спросила Соня, девушка с острыми чертами лица и шрамом на левой щеке — память о разгоне митинга год назад.

— Пойдём на переговоры, — ответил Тим.

— Переговоры? — Соня фыркнула. — С теми, кто разгонял нас дубинками?

— С теми, кто может изменить систему, — перебил Тим. — Или мы хотим просто кричать? Или хотим настоящих перемен?

— Перемены приходят через силу, — сказал кто-то из угла.

— Нет, — возразил Тим жёстко. — Через силу приходит новая тирания. Ты хочешь повторить цикл? Свергнуть Москву, чтобы через пятнадцать лет кто-то свергнул тебя?

— Завтра мы идём на переговоры, — сказал Тим твёрдо. — Все, кто хочет перемен, а не мести. Остальные могут остаться здесь и планировать революцию. Но без меня.

Он вышел на балкон, закрыл за собой дверь.

Балкон был узким, ржавым, скрипел под ногами. Город простирался внизу — огни, проекции, жизнь. Пятнадцать лет назад тут было темно. Теперь Город светился.

Но свет не означал свободу.

Тим достал из кармана старый «Скетчер» — тот самый, которым пользовался на первых уроках у Оливера. Активировал устройство, и над ладонью появилась проекция.

Журавлик.

Бумажный, простой, такой, какой Оливер создал пятнадцать лет назад на первом уроке.

Тим помнил тот день. Помнил, как стоял в классе, немой, испуганный, сломленный. Как Оливер не требовал, не заставлял, просто показал: смотри, что возможно.

И журавлик ожил. Взмахнул крыльями. Полетел.

В тот момент Тим понял: мир больше страха. Больше боли. Больше молчания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.